вания, и для того составляют они претолстые книги писем, в которых, между множеством пустых вещей, приятелям их только и нужно знать, здоров ли был сочинитель во время своего путешествия. Впрочем, чтоб последовать похвальному примеру вносить в письма свои всякие пустоши, стоит только взглянуть на сказки, соплетаемые людьми, в сем ремесле упражняющимися: в них множество чудных происшествий, смешанное с обыкновенными приключениями, делает их похожими на подлинное повествование человеческой жизни. Там целые главы наполняются случившимися или могущими случиться мелочами, которые через соединение их с другими удивительными случаями составляют роман и придают всему вид вероятности. Как писателям сего рода свойственно быть откровенными, то и господин Карамзин в предисловии своем говорит нам чистосердечно, что естьли в Ричардсоновых сочинениях читаем мы без скуки, что Грандисон пил чай с мисс Бирон, то и его читателям не меньше может быть приятно узнавать о таковых же бездельных подробностях его путешествия.

Господин Карамзин поехал из Москвы, своей родины, где оставил он все, что сердцу его было драгоценно,[3] с тем намерением, чтоб в самых покойных повозках в полтора года объехать приятнейшие и безопаснейшие части Европы. Вследствие сего первое письмо его к друзьям своим наполнено описанием острой печали, какую чувствовал он при начале столь ужасного предприятия и столь долгой разлуки. Потом обращается к *собственному сердцу своему* и долго с ним беседует. Наконец, заключает тем, что советует друзьям своим утешать себя, буде возможно, во время его отсутствия. Слезливость его продолжается почти без всяких перемежек до самого прибытия его в Ригу; в некоторых же местах жалкого пути сего, а особливо в Нарве, все горести в душе его сперлися, и казалось, что он погружен был в бездну человеческих нещастий. «Бог знает, — говорит он, — каково мне было в ету минуту! все приятные мысли о путешествии затмились в душе моей. О естьли бы мне тогда можно было перенестись к вам, друзья мои! внутренно проклинал я то беспокойное чувство сердца, которое влечет нас от предмета к предмету, от верных удовольствий к неверным, как скоро первые перестают быть для нас новыми, — которое настроивает к мечтам наше воображение и заставляет нас искать радостей в неизвестном будущем. Есть всему предел: волна, ударившись о берег, назад возвращается или, поднявшись высоко, опять вниз упадает, — и в самой тот миг, как сердце мое стало полно» и проч.[4]

И поистине, все сие не без причины: у кибитки его переломилась ось, и он приехал весь мокрой. Нельзя себе представить, сколь далеко простерлось бы его нещастие, естьли бы хорошо одетый мальчик *с милою сердечною улыбкою* не позвал его к себе в дом, где хозяин, пожилой человек, у которого добродушие на лице было написано, с *видом искреннего участия* расспрашивал его о его путешествии, между тем как хозяйка *подавала ему кофий с хорошим хлебом.*[5] Не нужно уже сказывать, что приключение сие

---

[3] Здесь перевод неточен. В русском подлиннике сказано: *все, что входило в состав нравственного бытия моего.* Мы не оправдываем сих жеманных выражений, но хотим показать, где переводчик, с умыслу или без умысла, отступил от подлинника.

[4] Где перевод верен, там ставим мы точные слова подлинника; а где в выражениях есть некоторая отмена, там переводим мы с англинского и замечаем сию разность.

[5] В русском подлиннике сказано: *В то время как хозяйка разливала чай и кофе.* Немцу или Англичанину, как видно, при кофие нельзя было обойтиться без хлеба.